

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Концепт «совесть» в гносеологических воззрениях Максима Грека Коновалов Константин Владимирович

Кандидат наук

Алтайский государственный университет, Факультет политологии, Барнаул,
Россия

E-mail: spudeis@gmail.com

Среди разноплановых пониманий феномена «сознания», попытаемся обратиться к такой его форме, как «совести», наиболее распространенной в восточно-христианской традиции. В качестве примера будем опираться на письменное наследие крупнейшего древнерусского мыслителя Максима Грека, находящегося «в одном ряду с латинскими и православными книжниками XV-XVI вв.: Калуччо Салютати, Ян Гус, Леон Баттиста Альберти, Пахомий Логофет, Мартин Лютер» [1, с. 3].

С концептом «совесть» органически связано понятие «кардиогносия». Не вдаваясь в подробности, скажем лишь, что сердце здесь понимается как центральный орган иррационального познания, в котором сфокусирована вся полнота человеческого «Я». В сердце присутствуют чувства и аффекты: «Желание... благ разжигало его сердце» [2, с. 149]. Сердце способно чувствовать: «скажем в чувстве сердца нашего» [2, с. 90]. Это означает, что Я может обратиться как к добру, так и ко злу. В «тайной клетке сердца» лежит сфера бессознательного, которое способно стать актуальным в сознательном волеии. Поэтому главное различие ума и сердца заключается в том, что в уме содержится и проявляется знание, а в сердце — стремление и воля. Ум знает, а сердце желает. Максим Грек, образно выражаясь, подчеркивает волевой аспект концепта сердца: «...обезумело неразумное его (диавола. — К. К.) сердце с тех пор, как он восстал против своего Владыки и Создателя» [2, с. 68]. Понятно, что у диавола как существа интеллигибельного не имеется физиологического сердца, следовательно, сердце есть центр личности, мерило личности.

Термин «совесть» включает в себя две стороны: как гносеологическую в плане самопознания, так и нравственно-этическую, поэтому там, где Максим Грек говорит «познаем самих себя» и подобное, это следует понимать как о-сознаем себя, то есть как сознание. Термины «сознание», «мысль», «мудрование», «совесть» неоднократно встречаются в текстах афонского монаха: «...Отвергнув далеко от мысли (здесь и далее курсив наш. — К. К.) своей...» [2, с. 8]; «возлюби же всю мыслью убогих, чтобы тебе свыше привлечь не гнев, а божественную благодать» [2, с. 20]; «льстиво отводят мысль твою...» [2, с. 21]; «...когда придёшь ты в сознание и приобретёшь спасительные слезы раскаяния?» [2, с. 25]; «...если желают полезное иметь всегда написанным и пребывающим в своих мыслях» [2, с. 31]; «мысленные крыле посребренные и позлащенные междорамия (Пс.67:14)»; «омрачившись в мыслях своих неведением истинного добра, легко становимся жертвою действия бурь пагубных страстей, то беснуясь яростью и гневом, то истаивая завистью, то весьма неистовствуясь плотскою похотью — до того, что отрекаемся самой жизни» [2, с. 36]; «...мыслями и тонкими помышлениями» [2, с. 206]; «очисти ми совесть душевную» [3, с. 21]. Максим иногда называет «совесть» светом, «обличающим душевные страсти» [2, с. 24].

Как утверждает Р. Бультман, «понятие (совесть. — К. К.) принадлежит к фундаментальным антропологическим понятиям» [4, с. 81]. Надо заметить, что в греческом, как и во многих европейских языках, понятия «сознание» и «совесть» выражаются одним и тем же словом. Совесть, в понимании средневековой философии, есть сознание. Термин «совесть» есть калька греческого «Н *συνειβι*» (*συν*— «со» и *ειδση* — «познание», от глагола *αιδω* — «видеть, созерцать, познавать») и первоначально обозначало общее с кем-то другим знание, затем оно стало знанием, разделяемым с самим собой. По мнению Г. М. Прохорова, в письменности Древней Руси «совесть» употребляется в круге значений новозаветного *συνειδεσις* с перевесом в этический смысл, а также при переводе слов: *εννοια* — мысль, мышление, понимание; *διανοια* — разум, смысл; *λογικον*— рассудок, мнение [5, с. 11]. Возможно, апостол Павел, впервые ввел понятие «совесть» в понятийный круг христианской теологии и религиозной философии [4, с. 81].

Совесть — это и есть сознание. Совесть есть субъективное знание индивида о своем собственном поведении и отношении к нему. По словам Р. Бультмана, это «знание не только включает интенцию..., но знание, которое, рефлексирюя и вынося суждение», акцентирует внимание «на этой интенции собственного ума» [4, с. 81]. Совесть есть знание о собственном поведении по отношению к существующему этическому императиву. Императив базируется в трансцендентном, которое понимается Максимом Греком, как и всяким глубоко религиозным человеком, аксиоматично. «Я» индивида — это «всегда как моё "Я" которое становится "Я" в результате того, что "Я" каждый раз беру на себя ответственность», не зависимо от суждения окружающего социума, за свою жизнь, имеющую своим началом трансцендентный Источник [4, с. 83].

Таким образом, древнерусская мыслительная традиция на материале христианской религиозной философии оказалась знакома с феноменом «сознания» в форме «совести».

Литература

1. Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: Часть 1. В 2 ч. Ч. 1. / Л. И. Журова; науч. ред. Н. Н. Покровский; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Институт истории. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008.
2. Максим Грек. Творения: Репринт. воспроизв. изд. — Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: В 3-х ч., 1910-1911. — Ч. 1: Житие прп. Максима Грека. Нравоучительные сочинения. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.
3. Его же. Творения: Репринт. воспроизв. изд.- Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе: В 3-х ч., 1910-1911. — Ч. 3: Разные сочинения. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.
4. Бультман Р. Избранное: Вера и понимание. Том I-II: пер. с нем. / Бультман Р. — М.: РОССПЭН, 2004.
5. Прохоров Г. М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...». Древняя Русь как историко-культурный феномен / Прохоров Г. М. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010.

Конференция «Ломоносов 2012»

Слова благодарности

д.ф.н., проф. М.Н. Громову